

По делу «Белевицкий против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Пятая Секция), заседающая Палатой в составе:

г-на П. Лоренсена, *Председателя Палаты*,
г-жи С. Ботучаровой,
г-на К. Юнгвирта,
г-на Р. Марусте,
г-на А. Ковлера,
г-на Х. Боррего Боррего,
г-жи Р. Йегер, *судей*,
и г-жи К. Вестердик, *Секретаря Секции*,

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 5 февраля 2007 г.,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 72967/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Романом Сергеевичем Белевицким (*далее* — заявитель), 20 июля 2001 г.
2. Интересы заявителя, которому Европейским Судом была предоставлена юридическая помощь бесплатно, представляли в Суде г-жа К. Москаленко и г-жа Е. Липцер, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников органов внутренних дел, что условия его содержания под стражей приравнивались к бесчеловечному обращению, что содержание под стражей было незаконным и чрезмерно длительным и что он был лишен возможности воспользоваться гарантиями справедливого судебного разбирательства.
4. 19 октября 2004 г. Европейский Суд вынес решение о коммуницировании жалобы государству-ответчику. На основании пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд вынес решение рассмотреть дело по существу одновременно с разрешением вопроса о приемлемости жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу.
5. Государство-ответчик выдвинуло возражения против одновременного рассмотрения как вопроса о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу, так и вопроса о существовании жалобы заявителя. Изучив данные возражения государства-ответчика, Европейский Суд отклонил их.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПЯТАЯ СЕКЦИЯ ДЕЛО «БЕЛЕВИЦКИЙ ПРОТИВ РОССИИ»*

(жалоба № 72967/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

1 марта 2007 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

6. Заявитель родился в 1981 году и проживает в г. Москве.

A. По вопросу о задержании заявителя и заключении его под стражу

7. 11 октября 2000 г. на ярмарке в Лужниках заявитель был задержан оперативными сотрудниками Управления внутренних дел Раменского района Московской области И. и К. по подозрению в распространении наркотиков. Г-н Е. указал на заявителя как на человека, который продал ему порцию героина. Точное время производства фактического задержания заявителя оспаривается сторонами по делу. Заявитель утверждает, что его подвергли фактическому задержанию примерно в полдень, тогда как государство-ответчик утверждает, что это произошло в 16 час. 30 мин.

8. В 18 час. 50 мин. в помещении Управления внутренних дел Раменского района Московской области заявителя подверг личному обыску сотрудник Управления Р. в присутствии двух понятых. У

заявителя был обнаружен пакетик, содержащий 0,004 грамма героина.

9. На следующий день в 11 час. 50 мин. был составлен протокол задержания заявителя. В тот же день следователь вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении не указывалась конкретная продолжительность срока содержания под стражей (о соответствующих нормах законодательства Российской Федерации см. ниже, пункт 51 настоящего постановления).
10. В неуказанный день была проведена очная ставка между заявителем и г-ном Е. Адвокат заявителя присутствовал при проведении очной ставки. Г-н Е. подтвердил свои показания относительно того, что он приобрел героин у заявителя.

B. По вопросу о предположительном жестоком обращении с заявителем

11. Заявитель утверждает, что 11 октября 2000 г. его избил сотрудник милиции в помещении Управления внутренних дел Раменского района Московской области. Государство-ответчик отрицает эти обвинения.
12. Из медицинской справки от 24 октября 2000 г., выданной травматологическим отделением поликлиники № 8, следует, что 13 октября 2000 г. в 15 час. 10 мин. заявитель был доставлен в поликлинику сотрудниками Управления внутренних дел Раменского района Московской области для медицинского осмотра.

* *От редакции:* По делу заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что он подвергся побоям в отделении милиции, а власти государства-ответчика не провели эффективного расследования по данному факту. Кроме того, заявитель утверждал, что условия его содержания в следственном изоляторе были таковы, что он фактически стал жертвой бесчеловечного и унижающего достоинство человека обращения. Суд постановил, что по делу властями государства-ответчика в отношении заявителя были допущены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя в следственном изоляторе. Также Суд единогласно постановил, что по делу властями государства-ответчика в отношении заявителя был допущен ряд нарушений требований статьи 5 Конвенции в связи с невыполнением некоторых процессуальных норм. Однако Суд отклонил пункты жалобы заявителя, касающиеся жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции ввиду неисчерпания заявителем средств правовой защиты, предоставляемых российским законодательством. Европейский Суд обязал государство-ответчика выплатить заявителю компенсацию в размере 10 тысяч евро в качестве возмещения причиненного ему морального вреда.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

По результатам медицинского осмотра было установлено наличие «гематомы в области между четвертым и шестым ребрами с левой стороны грудной клетки, гематомы на левой стороне поясничной области и ссадины в области левого коленного сустава».

13. 18 декабря 2000 г. старший помощник Никулинского межрайонного прокурора г. Москвы вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции в связи с утверждениями заявителя о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции. Мотивировка вынесенного одностороннего постановления основывалась на рапортах сотрудников милиции Р., И. и К., которые производили задержание и личный обыск заявителя. Они отрицали, что оказывали какое-либо психологическое или физическое воздействие на заявителя.
14. Адвокаты заявителя обжаловали постановление от 18 декабря 2000 г. заместителю прокурора г. Москвы. Они указали в своей жалобе, что медицинскую справку от 24 октября 2000 г. не учли при проведении проверки. Прокурор г. Москвы распорядился провести дополнительную проверку.
15. 29 марта 2001 г. старший помощник Никулинского межрайонного прокурора г. Москвы вынес еще одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Вся мотивировочная часть постановления гласила следующее:

«В ходе дополнительной проверки Никулинская межрайонная прокуратура г. Москвы изучила медицинскую справку, в которой указывалось, что 13 октября 2000 г. [заявитель] был доставлен в травматологическое отделение, где у него были зафиксированы <...> телесные повреждения.

Из справки, представленной начальником отдела внутренних дел «Крылатское» З. следует, что у заявителя не было никаких жалоб на здоровье при помещении его в следственный изолятор, о чем он собственноручно сделал запись в медицинском регистрационном журнале.

Кроме того, в ходе дополнительного допроса [заявителя] помощником прокурора, который был проведен до заключения [заявителя] под стражу в присутствии адвоката [имя и фамилия неразборчивы], [заявитель] пояснил, что сотрудники милиции не оказывали на него давление, и что он дал признательные показания добровольно. Претензий к сотрудникам милиции у него не было.

Изучив собранные материалы, я прихожу к выводу, что утверждения [заявителя] о том, что он подвергся психологическому и физическому насилию со стороны сотрудников милиции, не находят объективного подтверждения. Представляется невозможным установить обстоятельства, при которых телесные повреждения, указанные в медицинской справке, были причинены [заявителю], поскольку он не упомянул об этих повреждениях помощнику прокурора и потому что [на тот момент] у него не было видимых телесных повреждений, и у него не было жалоб на здоровье».

С. По вопросу о первом судебном разбирательстве

16. 9 декабря 2000 г. предварительное следствие по делу было окончено, и материалы уголовного дела были переданы в Никулинскую межрайонную прокуратуру для утверждения обвинительного заключения по делу.
17. 13 декабря 2000 г. уголовное дело в отношении заявителя и г-на Е. было передано в Никулинский районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу.
18. 4 января 2001 г. в Никулинский районный суд г. Москвы поступили материалы уголовного дела.
19. 11 января 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы вынес постановление до начала судебного разбирательства. Постановление представляло собой шаблонный формуляр на одной странице, в котором даты, полные имена заявителя и подсудимых по тому же делу, а также выдвинутые против них обвинения

были внесены от руки. Соответствующая часть постановления гласила следующее (отпечатанный типографским способом шаблон воспроизводится простым шрифтом, а вписанное от руки — курсивом):

«Дело подсудно Никулинскому районному суду г. Москвы; по делу собраны доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании; обвинительное заключение составлено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства; не имеется оснований для изменения или отмены избранной обвиняемому мера пресечения; по делу не заявлены ходатайства обвиняемого, других заинтересованных лиц.

Придя к выводу, что при расследовании дела соблюдены все требования Уголовно-процессуального кодекса РСФСР по обеспечению прав граждан *Е. и [заявителя]*, привлеченных в качестве обвиняемых, отсутствуют иные препятствия для рассмотрения дела в суде, суд

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить судебное заседание по уголовному делу в отношении *г-на Е. и [заявителя]* <...> на 23 января 2001 г. <...> с участием прокурора, адвоката.

Меру пресечения обвиняемым — *оставить прежней в отношении каждого обвиняемого*».

Постановление было вынесено в отсутствие заявителя или его адвокатов, и копию постановления им не вручали.

20. 23 января 2001 г. судебное заседание было перенесено на неделю вперед ввиду отсутствия адвоката заявителя.
21. 30 января 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы провел предварительное слушание по делу. Адвокаты заявителя обратились к суду с ходатайством об изменении меры пресечения, избранной в отношении заявителя, на другую, не связанную с лишением свободы. Суд отклонил данное ходатайство, установив следующее:

«Заслушав стороны по делу и представления прокурора, который попросил о том, чтобы ходатайство об изменении меры пресечения [избранной в отношении заявителя] на другую, не связанную с лишением свободы, было бы отклонено, суд приходит к выводу, что не имеется оснований для изменения меры пресечения [избранной в отношении заявителя], поскольку [заявителю] предъявлено обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния, квалифицируемого как особо тяжкое преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, и [поскольку] суд не завершил полностью изучение доказательств, собранных обвинением».

22. 5 и 22 февраля и 5 марта 2001 г. адвокаты заявителя обжаловали данное постановление суда. В своей жалобе они указали, что у заявителя имеется постоянное место жительства в г. Москве и что у него нет судимостей, и поэтому нет оснований опасаться, что он может скрыться от суда. Они также указали в своей жалобе, что содержание заявителя под стражей в период с 11 по 12 октября 2000 г. не было оформлено в процессуальном порядке, и на его содержание под стражей в этот период времени не имелось никакой санкции. Кроме того, заявитель был заключен под стражу только на срок два месяца, и соответственно его содержание под стражей после 12 декабря 2000 г. было незаконным.
23. 5 марта 2001 г. Московский городской суд оставил в силе постановление Никулинского районного суда г. Москвы от 30 января 2001 г. Московский городской суд пришел к следующему выводу:

«В соответствии со статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержание под стражей при расследовании преступлений по уголовным делам не может продолжаться более двух месяцев.

Из материалов дела усматривается, что уголовное дело было возбуждено 12 октября 2000 г. и в тот же день [в отношении заявителя] была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу; 9 декабря [2000 г.] [заявитель] был препровожден в Никулинскую межрайонную прокуратуру г. Москвы, куда были переданы материалы уголовного дела. Соответственно не было допущено нарушение требований статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при производстве предварительного следствия, а доводы, изложенные в жалобе, о том, что содержание заявителя под стражей после 12 декабря 2000 г. было незаконным, не находят подтверждения в материалах дела.

В соответствии с частью второй статьи 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к лицам, обвиняемым [в совершении торговли наркотиками], заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления; в этой связи суд согласен с выводами суда первой инстанции, что касается отсутствия оснований для изменения меры пресечения и считает эти выводы законными и обоснованными».

24. 26 апреля 2001 г. адвокаты заявителя вновь обратились в суд первой инстанции с ходатайством об изменении меры пресечения, избранной в отношении заявителя, на другую, не связанную с лишением свободы. Ходатайство было отклонено. 3 мая 2001 г. постановление суда, которым отклонялось ходатайство адвокатов заявителя, было обжаловано в Московский городской суд. Представляется, что никакого ответа на эту жалобу получено не было.
25. 26 июня 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы по собственной инициативе продлил срок содержания заявителя под стражей еще на три месяца или до окончания рассмотрения дела по существу, установив, что изменение меры пресечения, избранной в отношении заявителя, на другую, не связанную с лишением свободы, могло бы «значительно затруднить всестороннее, полное и объективное рассмотрение уголовного дела».
26. 5 июля 2001 г. заявитель и г-н Е. были осуждены в уголовном порядке Никулинским районным судом г. Москвы за совершение преступлений, связанных с наркотиками. Г-н Е. был освобожден от отбывания наказания в связи с актом амнистии. Заявителю было назначено наказание в виде лишения свободы сроком шесть лет и шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.
27. 17 октября 2001 г. Московский городской суд отменил обвинительный приговор суда первой инстанции по материально-правовым и процессуальным основаниям и передал уголовное дело в суд первой инстанции для нового рассмотрения в ином составе суда. Московский городской суд распорядился, чтобы заявитель продолжал содержаться под стражей, не мотивировав при этом данное свое решение.

D. По вопросу о втором судебном разбирательстве

28. 3 декабря 2001 г. судебное заседание по рассмотрению уголовного дела по существу было отложено ввиду того, что г-н Е. и свидетели не явились в судебное заседание.
29. 18 декабря 2001 г. судебное заседание не состоялось, потому что судья был занят в судебном разбирательстве по другому уголовному делу.
30. 19 декабря 2001 г. адвокат заявителя обратилась к председателю Никулинского районного суда г. Москвы с жалобой на то, что в связи с предыдущими переносами судебных заседаний ходатайство заявителя об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, не было рассмотрено по существу. В жалобе адвокат заявителя также указала на бесчеловечные условия содержания заявителя под стражей. Представляется, что никакого ответа на эту жалобу получено не было.
31. 10 января 2002 г. судебное заседание было отложено ввиду того, что председательствующий судья был болен.

32. 21 января 2002 г. суд рассмотрел ходатайство заявителя об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, и отклонил это ходатайство. Ввиду неявки свидетелей судебное заседание было отложено до 4 февраля 2002 г. 27 января 2002 г. заявитель обратился с жалобой в Московский городской суд на отклонение его ходатайства. Представляется, что данная жалоба заявителя рассмотрена не была.
33. 4 февраля 2002 г. повторное ходатайство заявителя об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, было отклонено судом. Судебное заседание было отложено до 12 февраля 2002 г. ввиду неявки г-на Е. и свидетелей.
34. 12 февраля, 5 и 19 марта 2002 г. судебные заседания откладывались вновь ввиду неявки свидетелей.
35. 17 апреля 2002 г. было проведено заседание суда. Суд заслушал показания заявителя, свидетеля защиты и огласил показания не явившихся в судебное заседание свидетелей, включая показания г-на Е.
36. 18 апреля 2002 г. заявитель был признан виновным в совершении всех вменявшихся ему преступлений, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком шесть лет и шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима и с конфискацией имущества. Что же касается обвинений заявителя в адрес сотрудников милиции, касающихся жестокого с ним обращения, то суд установил следующее:

«Заявления свидетелей Ер. и Г. [которые дали показания] о том, что [заявитель] был опрятно одет в момент задержания, равно как и заявление свидетеля Ге. [который дал показания] о том, что в момент личного обыска одежда [заявителя] была грязной, и что он выглядел как бомж, не могут, по мнению суда, подтвердить тот факт, что [заявителя] сотрудники милиции подвергли физическому давлению. Данное утверждение было проверено в судебном заседании и не нашло подтверждений; [данный вывод суда] подтверждается показаниями [сотрудников милиции] Р., И., К., Б., Ми. и Му., и решением не проводить уголовного расследование в связи с утверждениями [заявителя] <...>

Из медицинской справки от 13 октября 2000 г. следует, что врач травматологического отделения осмотрел [заявителя] и установил наличие травм <...> На суде [заявитель] пояснил, что эти травмы были причинены ему сотрудниками милиции. Однако в судебном заседании было установлено, что [на заявителя] не оказывалось никакого физического или психологического давления; из этого суд делает вывод, что телесные повреждения, зафиксированные 13 октября 2000 г., были причинены не при описанных [заявителем] обстоятельствах, но иным способом, не связанным с задержанием [заявителя] и привлечением его к уголовной ответственности».

37. Устанавливая виновность заявителя в хранении и сбыте наркотиков, Никулинский районный суд г. Москвы основывал свои выводы вещественным доказательством (пакетик с героином, изъятый у заявителя), показаниями г-на Е., подтвержденными показаниями сотрудников милиции и понятых, присутствовавших при обыске, и протоколом очной ставки, проведенной между заявителем и г-ном Е.
38. 8 июня 2002 г. заявитель обжаловал вынесенный ему обвинительный приговор. В своей жалобе он, в частности, указал, что обвинительный приговор в значительной степени основывался на его самообвиняющих показаниях, данных им в день своего задержания под давлением со стороны сотрудников милиции, равно как и на показаниях г-на Е., который скрылся от правосудия и не давал показаний во время второго судебного разбирательства.
39. 9 сентября 2002 г. Московский городской суд отклонил жалобу и оставил обвинительный приговор без изменения. В своем определении Московский городской суд воспроизвел дословно

выводы суда первой инстанции в части, касавшейся утверждений заявителя о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции.

Е. По вопросу об условиях содержания заявителя в следственном изоляторе ИЗ-77/3¹

- 40. В период времени с 11 июля по 6 ноября 2001 г., а затем с 23 апреля по 5 октября 2002 г. заявитель содержался в следственном изоляторе ИЗ-77/3 в г. Москве.
- 41. В 2001 году заявитель содержался в камерах № 405, 406 и 706, каждая площадью приблизительно 36 кв. м. Из документов, представленных государством-ответчиком, усматривается, что точное число заключенных в этих камерах установить невозможно, так как журналы учета лиц, содержащихся под стражей, были уже уничтожены, однако расчетная вместимость следственного изолятора была превышена на 300 процентов.
- 42. В 2002 году заявитель содержался в камерах № 603, 602 и 612. Камера № 603 имела площадь 26 кв. м, и в ней содержалось от 21 до 37 заключенных; камера № 602 имела площадь 32 кв. м на 35—45 заключенных, а в камере № 612 содержалось от 4 до 6 заключенных на 9 кв. м.
- 43. 3 октября 2001 г. адвокат заявителя обратилась с жалобой на «ужасные условия» содержания его под стражей в Верховный Суд Российской Федерации и к Министру юстиции Российской Федерации.
- 44. 10 октября 2001 г. заявитель составил собственноручно написанную жалобу в Пресненский районный суд г. Москвы. Заявитель указывал в жалобе, что он провел более года в переполненных заключенными камерах, кишасших клопами и вшами. Он страдал от отсутствия свежего воздуха, который с трудом проникал в помещения камер через окна, забранные металлическими щитами. Большинство из его сорока сокамерников являлись заядлыми курильщиками; в течение суток свет в камере не выключался, и людям приходилось спать на койках по очереди. Туалет не был отделен от остального помещения камеры, и при пользовании им у заключенного не было никакой уединенности. Заявитель заразился различными инфекционными заболеваниями, включая чесотку, «гниение конечностей»; у него были постоянные головные боли и повышенное кровяное давление. По словам заявителя, он не отсылал свою жалобу, поскольку он опасался возмездия со стороны администрации следственного изолятора, которым они ему грозили.
- 45. 10 октября 2001 г. представитель заявителя получила два схожих ответа из Главного управления исполнения наказаний Министрства юстиции Российской Федерации. Ей было сообщено, что по прибытии в следственный изолятор заявитель был осмотрен врачом, который признал его здоровым. 6 сентября 2001 г. врач-терапевт предписал ему профилактическое лечение от чесотки; 12 сентября 2001 г. ему был поставлен диагноз: «вегето-сосудистая дистония по нормотоническому типу»; 25 сентября 2001 г. ему провели профилактическое лечение от чесотки; 1 октября 2001 г. заявителю был поставлен диагноз: «атипичный дерматит». Состояние его здоровья было найдено «удовлетворительным».
- 46. 8 и 10 января 2002 г. представитель заявителя получила ответы на другие ее жалобы. Ей сообщили, что 11 октября 2001 г. заявитель обратился с просьбой об оказании ему медицинской помощи по поводу пиодермита, и соответствующее лечение ему было проведено. 6 ноября 2001 г. заявитель был переведен в другой следственный изолятор и водворен в общую камеру с 63 другими заключенными. 7 декабря 2001 г. администрация следственного изолятора отказалась передать заявителю лекарства, принесенные ему его матерью, сославшись на то, что медсан-

часть следственного изолятора располагает всеми необходимыми лекарствами. 20 декабря 2001 г. заявителю был поставлен диагноз «кожный зуд и остаточные явления пиодермита».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Расследование преступлений по уголовным делам

- 47. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (*далее* — УПК РСФСР) (действовал до 1 июля 2002 г.) устанавливал, что поводом к возбуждению уголовного дела следователем могло быть заявление гражданина, либо дело могло быть возбуждено следственными органами по собственной инициативе в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (статьи 108 и 125 УПК РСФСР). Функция надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия возлагалась на прокурора (статьи 210² и 211 УПК РСФСР). Прокурор был правомочен распорядиться о проведении конкретных следственных действий, передать дело в производство другому следователю или распорядиться о проведении дополнительного расследования. В случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела прокурор или следователь выносили мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем уведомлялись заинтересованные стороны. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован соответствующему надлежащему вышестоящему прокурору или в вышестоящий суд общей юрисдикции (статья 113 УПК РСФСР).
- 48. 29 апреля 1998 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что любое лицо, права и законные интересы которого затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, имеет право обжаловать такое постановление в судебном порядке.

В. Заключение под стражу и содержание под стражей во время рассмотрения дела в суде

- 49. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., устанавливает, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей или продление срока содержания под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22). Постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу может быть вынесено прокурором или судом (статьи 11, 89 и 96 УПК РСФСР).
- 50. До 14 марта 2001 г. заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (статья 96 УПК РСФСР). Поправки, внесенные в УПК РСФСР 14 марта 2001 г., отменили положение, согласно которому заключение под стражу в качестве меры пресечения разрешалось применяться в отношении обвиняемых по мотивам одной лишь опасности совершенных ими преступлений.
- 51. После задержания содержание под стражей обвиняемого «при расследовании преступлений по уголовным делам» допускалось на первоначальный срок до двух месяцев (статья 97 УПК РСФСР). Этот срок мог быть продлен прокурором.
- 52. По окончании предварительного следствия по делу, вручении обвиняемому копии обвинительного заключения и окончании ознакомления обвиняемого с материалами дела, дело передавалось в суд первой инстанции. С того дня содержание под стражей подсудимого считалось содержанием под стражей лица, уголовное дело в отношении которого находится «в производстве суда первой инстанции» (или содержанием под стра-

¹ Учреждение ИЗ-77/3 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по городу Москве (следственный изолятор — 3 «Пресня») (*примечание редакции*).

² Так указано в тексте постановления Европейского Суда, хотя к надзору за исполнением законов при производстве предварительного следствия имела отношение только статья 211 УПК РСФСР (*примечание редакции*).

жей «во время рассмотрения дела в суде»). До 14 марта 2001 г. УПК РСФСР не устанавливал предельных сроков содержания под стражей подсудимых «во время рассмотрения дела в суде». 14 марта 2001 г. в УПК РСФСР была включена новая статья 239.1, которая предусматривала, что обычно срок содержания под стражей лица, «уголовное дело в отношении которого находится в производстве суда первой инстанции», не может превышать шести месяцев со дня поступления дела в суд. Это ограничение не применялось в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

53. Жалобы на применение прокурором заключения под стражу в качестве меры пресечения, а равно на продление срока содержания под стражей могли быть принесены в суд лицом, содержащимся под стражей, его защитником или законным представителем. От судьи требовалось проверить законность и обоснованность применения заключения под стражу в качестве меры пресечения не позднее, чем через три дня после получения соответствующих документов. Проверка должна была производиться в закрытом заседании суда с участием прокурора и защитника или законного представителя лица, содержащегося под стражей. Судье надлежало вызвать в судебное заседание лицо, содержащееся под стражей, и его отсутствие допускалось лишь в исключительных случаях, когда это лицо ходатайствовало о рассмотрении жалобы в его отсутствие либо по собственной инициативе отказывалось от участия в заседании. Судья мог оставить жалобу без удовлетворения или вынести постановление об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу и об освобождении лица из-под стражи (статья 220.1¹ УПК РСФСР).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ФАКТАМИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЗАЯВИТЕЛЕМ

54. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что 11 октября 2000 г. он был избит сотрудниками милиции, и что власти не провели эффективного расследования в связи с его жалобами на жестокое обращение с ним. Заявитель при этом ссылался на положения статей 3 и 13 Конвенции, которые гласят следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

55. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд указывало, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Во-первых, заявитель мог бы обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции Генеральному прокурору Российской Федерации. Во-вторых, он мог бы обжаловать постановление прокурора в суде общей юрисдикции.

56. Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд указывал, что в результате его обращения к вышестоящему прокурору была проведена дополнительная проверка. Однако эта проверка лишь подтвердила первоначальные выводы. При таких обстоятельствах последующее обращение к Генеральному прокурору

Российской Федерации было бы безрезультатным. Поскольку уголовное дело в его отношении между тем было передано в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, он — с тем, чтобы показать, что его признательные показания были получены под принуждением — предпочел просить суд исследовать его утверждения о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции. Таким образом, вопреки тому, что заявило Европейскому Суду государство-ответчик, жалобы заявителя на жестокое обращение были изучены судом общей юрисдикции.

57. Европейский Суд вновь подтверждает, что правило о необходимости исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты до обращения в Суд с жалобой, содержащееся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей сначала прибегнуть к средствам правовой защиты, которые обычно являются доступными в национальной правовой системе и считаются достаточными для заглаживания вреда, причиненного предполагаемыми нарушениями прав заявителей. Пункт 1 статьи 35 Конвенции также требует, чтобы жалобы, которые заявители намереваются впоследствии подать в Суд, должны быть поданы — по крайней мере, по сути вопроса — в соответствующий национальный орган власти и на основании формальных требований, содержащихся в национальном законодательстве; однако при этом необязательно обращаться к средствам правовой защиты, которые неадекватны или неэффективны (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Аксой против Турции» [*Aksoy v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1996-VI, § 51—52, и постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдывар и другие заявители против Турции» [*Akdıvar u Others v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1996-IV, § 65—67).

58. Утверждения заявителя о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции были изучены прокурором, который не установил явных фактов жестокого обращения сотрудников милиции с заявителем и своими постановлениями от 18 декабря 2000 г. и 29 марта 2001 г. отказал в возбуждении уголовного дела. Согласно статье 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который действовал в стране в период событий, фигурирующих по делу, эти постановления могли быть обжалованы надлежащему вышестоящему прокурору или в вышестоящий суд общей юрисдикции (см. выше, пункт 47 настоящего постановления). Государство-ответчик указывало, что заявитель не использовал ни одну, ни другую возможность обжалования.

59. Что касается вопроса об обжаловании вышестоящему прокурору, Европейский Суд подтверждает ту последовательную прецедентную практику учреждений, созданных на основе Конвенции, в соответствии с которой жалоба в вышестоящие инстанции, которая не предоставляет лицу, приносящему жалобу, личное право на то, чтобы государство выполнило бы свои надзорные функции, не может считаться эффективным средством правовой защиты для целей применения положений статьи 35 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Хорват против Хорватии» [*Horvat v. Croatia*], жалоба № 51585/99, § 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII, и решение Комиссии по правам человека от 6 сентября 1995 г. по делу «Гибас против Польши» [*Gibas v. Poland*], жалоба № 24559/94, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека 82, стр. 76 и 82).

60. В соответствии с УПК РСФСР жалоба вышестоящему прокурору представляет собой обращение в вышестоящую инстанцию с целью указать на недостатки проверки, проведенной подчиненными ему прокурорами. Таковая жалоба в действительности является сообщением, содержащим просьбу к этой инстанции применить свою власть, чтобы распорядиться о проведении

¹ Так указано в тексте постановления Европейского Суда, порядок судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей был регламентирован статьей 220.2 УПК РСФСР (примечание редакции).

дополнительной проверки, если таковая, по мнению этой инстанции, требуется. От вышестоящего прокурора в таком случае не требуется заслушивать заявителя лично, а последующий порядок производства по жалобе является вопросом сугубо между надзирающим прокурором и его подчиненными. Заявитель не является стороной в каком-либо производстве и вправе лишь получить информацию о том, каким образом надзирающая инстанция рассматривала его жалобу. Из этого вытекает, что жалоба вышестоящему прокурору не предоставляет лицу, приносящему жалобу, личное право на то, чтобы государство выполнило бы свои надзорные функции, и что таковая жалоба поэтому не является эффективным средством правовой защиты в значении положений статьи 35 Конвенции.

- 61.** Ситуация, однако, иная, когда речь идет о возможности обжалования в суд общей юрисдикции решение прокурора об отказе провести расследование по жалобам на факты жестокого обращения с гражданами. В этом случае в суде возбуждается состязательное производство, в котором заявитель и прокурор выступают сторонами. Европейский Суд уже устанавливал в своих актах, что в российской правовой системе полномочие суда по отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является существенной гарантией против произвольного исполнения своих функций следственными органами (см. решение Европейского Суда от 14 октября 2003 г. по делу «Трубников против России», жалоба № 49790/99). Хотя при производстве по проверке законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела суд общей юрисдикции не вправе проводить собственное следствие или делать какие-либо выводы о фактах, судебное рассмотрение жалобы на такое постановление имеет то преимущество, что при нем обеспечивается некий форум, гарантирующий соблюдение требований надлежащей правовой процедуры. В публично и состязательном по своему характеру заседании независимый суд призван оценить, имел ли место явный факт жестокого обращения с заявителем, и если он действительно имел место, то суд вправе отменить постановление прокурора и распорядиться о проведении уголовного расследования.
- 62.** В настоящем деле заявитель не прибегнул к возможности обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела в судебном порядке. Вместо этого он предпочел поставить вопрос о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции перед судом первой инстанции, рассматривавшим уголовное дело в отношении заявителя. Остается выяснить, был ли заявитель тем самым освобожден от обязанности обжаловать в обычном судебном порядке постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению о жестоком обращении с заявителем.
- 63.** Европейский Суд сразу же отмечает, что в суде первой инстанции целью производства по уголовному делу в отношении заявителя было установление его невиновности или виновности в совершении вменявшихся ему преступлений, а не установление ответственности за предположительно нанесенные ему побои или заглаживание вреда за предположительное нарушение требований статьи 3 Конвенции (см. решение Европейского Суда от 3 апреля 2003 г. по делу «Тотева против Болгарии» [*Toteva v. Bulgaria*], жалоба № 42027/98). Заявителем подчеркивается, что его заявления в суде первой инстанции относительно предположительного жестокого с ним обращения со стороны сотрудников милиции имели целью показать суду, что его признательные показания были получены у него силой и поэтому как доказательства эти показания не были допустимыми (см. выше, пункт 56 настоящего постановления, а также решение Европейского Суда от 27 января 2005 г. по делу «Ксензов против России», жалоба № 75386/01). Заявитель не просил о проведении новой проверки по его жалобе, равно как он не поднимал в суде первой инстанции вопрос о предположительных недостатках предварительного следствия, хотя эти вопросы и составляют часть его жалоб в Европейский Суд в контексте статей 3 и 13 Конвенции.

- 64.** Даже хотя суд первой инстанции и отметил в своем приговоре, что телесные повреждения, имевшиеся у заявителя, не были причинены ему тем способом, о котором он заявлял, такой вывод суда имел единственное отношение к решению вопроса о допустимости его признательных показаний в качестве доказательств. Нет никаких поводов считать, что решение суда первой инстанции по вопросу о допустимости доказательств имело бы какое-либо преюдициальное значение для суда, исследующего вопрос о том, дают ли утверждения заявителя основания разумно предполагать, что имело место жестокое обращение с ним, решился заявитель прибегнуть к возможности обжаловать в обычном судебном порядке постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела. Отсюда следует, что средство правовой защиты, к которому прибегнул заявитель, не может — по общему правилу — считаться частью обычного процесса исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, что касается его жалоб, представленных в Европейский Суд.
- 65.** Европейский Суд далее вновь подтверждает, что при применении правила об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно принимать во внимание то обстоятельство, что это правило применяется в контексте функционирования механизма охраны прав человека, который Высокие Договаривающиеся Стороны согласились создать. Соответственно, данное правило должно применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Сие означает — среди прочих вещей — что Суд должен реально принимать во внимание не только наличие формальных средств правовой защиты в правовой системе соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны, но также общий правовой и политический контекст, в котором таковые средства применяются, равно как и личные обстоятельства заявителя (см. упоминавшиеся выше постановления Европейского Суда по делу «Акдывар и другие заявители против Турции», § 69, и по делу «Хорват против Хорватии», § 40).
- 66.** Лица, заключенные под стражу, часто испытывают стресс, а также они уязвимы с точки зрения возможностей оказания на них давления. Поэтому для них может оказаться чрезмерно обременительным требование, чтобы они отдельно добивались бы в судебном порядке заглаживания вреда, причиненного им нарушением их прав, гарантируемых положениями статьи 3 Конвенции, особенно в тех случаях, когда у таких лиц нет юридической подготовки, и они не могут прибегнуть к профессиональной помощи адвоката. При определенных обстоятельствах можно применять более гибкий подход к разрешению вопроса об исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты. В настоящем деле, однако, интересы заявителя — начиная с досудебных стадий производства по уголовному делу — представляли два выбранных им самим адвоката, имеющие значительный опыт работы по уголовным делам. Никакого объяснения не было дано тому обстоятельству, что эти адвокаты не обжаловали в судебном порядке отказ прокурора провести расследование по жалобе заявителя на жестокое с ним обращение со стороны сотрудников милиции, и не посоветовали заявителю самому подать жалобу в суд на этот отказ.
- 67.** В свете вышеизложенных соображений Европейский Суд находит, что пункты жалобы заявителя, касающиеся предположительного жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции, должны быть отклонены — в силу положений пункта 1 статьи 35 Конвенции — ввиду неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

- 68.** Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что условия содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3 в г. Москве приравнивались к бесчеловечному и унижающему

достоинство человека обращению. Европейский Суд изучит данный пункт жалобы заявителя с точки зрения упоминавшихся выше положений статьи 3 Конвенции.

А. По вопросу о приемлемости данного пункта жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу

- 69.** Государство-ответчик — со ссылками на информацию, полученную от Никулинского районного суда г. Москвы и администрации следственного изолятора, — указывает на то, что заявитель вообще не подавал никаких жалоб относительно условий его содержания под стражей в какой-либо суд или иной орган государственной власти.
- 70.** Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд утверждал, что он однажды предпринял попытку направить жалобу относительно условий его содержания под стражей в суд, но один сотрудник администрации следственного изолятора пригрозил отомстить ему за это, и потому заявитель отказался от своего намерения. В любом случае условия содержания под стражей были одинаковыми для всех задержанных, и никакая жалоба на сей счет не могла улучшить его положение.
- 71.** Европейский Суд отмечает, что адвокаты заявителя неоднократно подавали жалобы на плохие условия его содержания под стражей и получали ответы из ведомств, ответственных за функционирование следственного изолятора ИЗ-77/3 в г. Москве (см. выше, пункты 43, 45 и 46 настоящего постановления). Российские органы власти потому были в достаточной мере осведомлены о положении заявителя. Действительно, заявитель не направлял отдельную жалобу в суд или прокурору, как на это было указано государством-ответчиком. Однако государство-ответчик не продемонстрировало Европейскому Суду, как можно было бы исправить ситуацию, вытекающую из таковой жалобы, принимая во внимание, что проблемы, связанные с условиями содержания заявителя под стражей, имели системный характер и затрагивали не только заявителя, но и в целом весь контингент заключенных (см. постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу «Мамедова против России», жалоба № 7064/05, § 57; решение Европейского Суда от 9 декабря 2004 г. по делу «Моисеев против России», жалоба № 62936/00). Суд поэтому приходит к выводу, что жалоба заявителя в данном ее пункте не может быть отклонена ввиду неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.
- 72.** Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является по каким-либо иным основаниям неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Посему жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

В. По существу данного пункта жалобы

- 73.** Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд подчеркивал, что следственный изолятор был переполнен заключенными сверх меры и в любой период времени на заявителя приходилось всегда менее одного квадратного метра. Заключенным приходилось спать по очереди, и в камере, в которой содержалось до 70 человек, имелся всего одна раковина и один туалет. Расположение туалета в камере было таково, что при пользовании им какая-либо уединенность исключалась. В камере не было вентиляции, и в летнее время температура в камере достигала плюс 45° С. Доступ в камеру естественного света и свежего воздуха блокировался металлическими щитами, в которые были забраны окна.
- 74.** Государство-ответчик признало, что следственный изолятор был переполнен заключенными сверх меры. Однако государство-ответчик объясняло это объективными факторами, такими как вы-

сокий уровень преступности и отсутствие финансовых средств. У государства не было прямого умысла на то, чтобы унижить заявителя или умалить его достоинство. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд указывало, что камеры следственного изолятора были оборудованы системой вентиляции, а температура внутри помещений камер была в пределах установленных норм. Вокруг туалета имелась перегородка высотой в 1 м, что давало возможность достаточного уединения при пользовании им.

- 75.** Европейский Суд отмечает, что следственный изолятор ИЗ-77/3 был переполнен заключенными сверх меры в течение всего периода содержания заявителя под стражей. Из представлений государства-ответчика в Европейский Суд следует, что в 2001 году число задержанных, содержащихся в этом следственном изоляторе в три раза превышало число заключенных, на которое изолятор был рассчитан, тогда как в 2002 году на заявителя приходилось менее 1 кв. м площади помещения камеры (см. выше, пункты 41 и 42 настоящего постановления). Заявителю пришлось находиться в следственном изоляторе в условиях скученности, будучи запертым в свою камеру день и ночь, в течение более десяти месяцев. Для анализа предмета жалобы Судом не имеет значения, была ли чрезмерная переполненность следственного изолятора заключенными следствием высокого уровня преступности, нехватки у государства финансовых средств или каких-либо иных причин; на государство-ответчике лежит обязанность организовать свою пенитенциарную систему таким образом, который обеспечивает уважение к достоинству задержанных, невзирая на финансовые затруднения или трудности в материально-техническом обеспечении (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Мамедова против России», § 63).
- 76.** Европейский Суд часто устанавливал факт нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с нехваткой площади камер, предоставляемой каждому заключенному (см., в частности, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Мамедова против России», § 62 и следующие за ним пункты постановления; см. также постановление Европейского Суда от 8 ноября 2005 г. по делу «Худоёров против России», жалоба № 6847/02, § 104 и следующие за ним пункты постановления; постановление Европейского Суда от 16 июня 2005 г. по делу «Лабзов против России», жалоба № 62208/00, § 44 и следующие за ним пункты постановления; постановление Европейского Суда от 2 июня 2005 г. по делу «Новоселов против России», жалоба № 66460/01, § 41 и следующие за ним пункты постановления; постановление Европейского Суда от 20 января 2005 г. по делу «Майзит против России», жалоба № 63378/00, § 39 и следующие за ним пункты постановления; постановление Европейского Суда по делу «Калашников против России», жалоба № 47095/99, § 97 и следующие за ним пункты постановления, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VI).
- 77.** Принимая во внимание нормы своего прецедентного права, выработанные по данному предмету и материалы, представленные сторонами, Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик не представило никаких фактов или доводов, способных убедить Суд прийти к иному выводу по настоящему делу, а именно, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере со столь многими заключенными, что этого обстоятельства самого по себе было достаточно, чтобы вызвать такие душевные страдания и муки, которые превосходят неизбежный уровень страданий, неизбежно вытекающих из факта содержания под стражей, и вселить в него чувства страха, муки и неполноценности, способные унижить его и умалить его достоинство.
- 78.** Что же касается доводов государства-ответчика относительно того, что власти не имели намерения заставить заявителя терпеть страдания, то Европейский Суд вновь подтверждает: хотя вопрос, имело ли обращение государства с жертвой нарушения

Конвенции цель унижить жертву и умалить ее достоинство, является обстоятельство, которое надлежит принимать во внимание, отсутствие любой таковой цели не может исключать возможность установления факта нарушения требований статьи 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Калашников против России», § 101).

79. Таким образом, имел место факт нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

80. Заявитель — со ссылкой на подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции — жаловался в Европейский Суд на то, что его содержание под стражей в период с 11 по 12 октября 2000 г., а также с 12 декабря 2000 г. по 11 января 2001 г. было незаконным. Имеющие отношение к данному пункту жалобы части пункта 1 статьи 5 Конвенции гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

<...>

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения <...>».

A. По вопросу о приемлемости данного пункта жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу

81. Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является по каким-либо иным основаниям неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Посему жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

B. По существу данного пункта жалобы

1. Вопрос о законности содержания заявителя под стражей в период с 11 по 12 октября 2000 г.

82. Государство-ответчик согласилось с тем, что задержание заявителя не было оформлено протоколом с момента его фактического задержания 11 октября 2000 г. и до составления протокола задержания в 11 час. 50 мин. 12 октября 2000 г.

83. Европейский Суд напоминает, что он уже устанавливал факт нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции по делу в отношении России, в котором первоначальное задержание заявителя и содержание ее под стражей в течение ночи в Управлении внутренних дел Раменского района Московской области не были оформлены никакими протоколами. Суд подчеркивал в своем постановлении по тому делу, что он твердо придерживается той точки зрения, что неподтвержденное заключение лица под стражу полностью отрицает принципиально важные гарантии, закрепленные в статье 5 Конвенции, и представляет собой наиболее тяжкое нарушение требований названной статьи Конвенции (см. постановление Европейского Суда от по делу «Менешева против России», жалоба № 59261/00, § 84, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ..., с дополнительными ссылками).

84. В настоящем деле государство-ответчик не отрицает, что первоначальное задержание заявителя и содержание его под стражей в течение ночи в отделе внутренних дел не были официально оформлены протоколами, как это требуется процессуальными нормами российского законодательства.

85. Европейский Суд приходит к выводу, что содержание заявителя под стражей в период с 11 по 12 октября 2000 г. не было осуществлено «в порядке, установленном законом» и поэтому являлось противоречащим требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Соответственно, имел место факт нарушения требований этой статьи Конвенции.

2. Вопрос о законности содержания заявителя под стражей в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г.

86. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд указывало, что в период времени, фигурирующий по делу, в российском законодательстве не содержалось требования о продлении срока содержания обвиняемого под стражей после передачи материалов дела в суд первой инстанции. 11 января 2001 г. суд первой инстанции изучил вопрос о мере пресечения и вынес постановление о том, что заявитель должен оставаться под стражей.

87. Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд указывал, что в российском законодательстве не содержалось положения, допускающего продление срока содержания под стражей в отсутствие надлежащей санкции. Существование административной практики, допускающей содержание обвиняемых под стражей до первого судебного заседания, было признано Европейским Судом противоречащим требованиям законности и правовой определенности. Заявитель при этом ссылался на постановления Европейского Суда по делам: «Йечиус против Литвы» [*Ječius v. Lithuania*] (жалоба № 34578/97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IX) и «Барановский против Польши» [*Baranowski v. Poland*] (жалоба № 28358/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-III).

88. Стороны по делу не оспаривают то обстоятельство, что 12 декабря 2000 г. первоначальный двухмесячный срок содержания заявителя под стражей истек и что после этой даты и до 11 января 2001 г. заявитель содержался под стражей на том основании, что уголовное дело в его отношении было передано в суд надлежащей подведомственности.

89. Европейский Суд уже рассматривал ряд дел и устанавливал по ним нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в случаях, касавшихся практики содержания обвиняемых под стражей исключительно на том основании, что дело с обвинительным заключением было передано в суд первой инстанции. Европейский Суд постановлял по этим делам, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретного правового обоснования или четких норм, регламентирующих их положение — с тем результатом, что такие обвиняемые могут быть лишены свободы на неограниченный срок без санкции суда — вступала в противоречие с принципами правовой определенности и охраны личности от произвола властей, каковые принципы являются общими связующими нитями Конвенции и верховенства права (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 2006 г. по делу «Корчуганова против России», жалоба № 75039/01, § 57; постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г. по делу «Нахманович против России», жалоба № 55669/00, § 67—68.; «Худоёров против России», жалоба № 6847/02, § 146—148, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005 — ...; упоминавшееся выше постановление по делу «Йечиус против Литвы», § 60—64, и упоминавшееся выше постановление по делу «Барановский против Польши», § 53—58).

90. Европейский Суд не видит никаких оснований к тому, чтобы в настоящем деле прийти к какому-либо иному выводу. Суд

вновь подтверждает, что для того, чтобы предварительное заключение под стражу отвечало бы принципу «законности», оно должно быть обосновано нормами национального законодательства. Государство-ответчик, однако, не указало Суду ни на какое положение законодательства, которое допускало продление срока содержания обвиняемого под стражей по истечении однажды санкционированного срока содержания под стражей. Конституция Российской Федерации и нормы уголовно-процессуального законодательства возложили полномочие по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или продлению срока содержания под стражей на период рассмотрения уголовного дела судом на прокурора и суд (см. выше, пункт 49 настоящего постановления). Никаких исключений из этого правила не допускались и не предусматривались. Как отмечалось выше, в период времени с 13 декабря 2000 г. по 11 января 2001 г. не существовало ни постановления прокурора, ни постановления суда, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Из этого следует, что в этот период заявитель находился в правовом вакууме, на который не распространялось действие какой-либо нормы российского законодательства.

91. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что, хотя Никулинский районный суд г. Москвы 11 января 2001 г. оставил прежней меру пресечения в отношении заявителя в виде содержания под стражей, суд никак не обосновал свое постановление, которое было ничем иным как заготовленным шаблонным формуляром. В этой связи Суд вновь подтверждает, что отсутствие каких-либо оснований, формулируемых судебными органами в своих решениях, санкционирующих продление срока содержания под стражей, вступает в противоречие с принципом охраны личности от произвола властей, запечатленным в пункте 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нахманович против России», § 70—71, а также постановление Европейского Суда от 21 марта 2002 г. по делу «Сташайтис против Литвы» [*Štašaitis v. Lithuania*], жалоба № 47679/99, § 67).
92. В постановлении Никулинского районного суда г. Москвы не указывался срок продлевавшегося содержания заявителя под стражей и не указывались нормы УПК РСФСР, регламентирующие применение меры пресечения в виде содержания под стражей, на которых это постановление основывалось. Это поставило заявителя в положение неопределенности, что касается правовых оснований содержания его под стражей после 11 января 2001 г. В данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что постановление Никулинского районного суда г. Москвы от 11 января 2001 г. не предоставило заявителю адекватную защиту от произвола, каковая защита является важным элементом понятия «законность» содержания под стражей в значении положений пункта 1 статьи 5 Конвенции.
93. Из вышесказанного следует, что в период с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г. не существовало никакого «законного» основания для содержания заявителя под стражей. Поэтому имел место факт нарушения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

94. Заявитель жаловался в Европейский Суд — в контексте положений пункта 3 статьи 5 Конвенции — на то, что постановление о его задержании было вынесено следователем и что по делу в отношении заявителя не было проведено судебное разбирательство в течение разумного срока, и он не был освобожден из-под стражи до суда. Пункт 3 статьи 5 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи <...> имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

A. По вопросу о приемлемости данного пункта жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу

95. Что касается пункта жалобы заявителя относительно того, что его фактическое задержание было санкционировано следователем, то Европейский Суд отмечает: при ратификации Конвенции Россия сделала оговорку в отношении пункта 3 статьи 5 Конвенции. Среди прочего в оговорке было указано на положения УПК РСФСР, в соответствии с которыми лицо могло быть задержано по решению следственных органов при том, что в УПК РСФСР не содержалось никакого требования относительно судебного контроля над задержанием. Суд изучил вопрос об обоснованности данной оговорки и счел ее совместимой с требованиями статьи 57 Конвенции (см. решение Европейского Суда от 28 февраля 2002 г. по делу «Лабзов против России», жалоба № 62208/00).

Из вышеуказанного следует, что та часть жалобы заявителя, которая касается санкционирования следователем заключения заявителя под стражу, вступает в противоречие с правилом *ratione materiae*¹ Европейского Суда в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

96. Что касается пункта жалобы заявителя относительно чрезмерной продолжительности и недостаточной обоснованности содержания его под стражей, то Европейский Суд считает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является по каким-либо иным основаниям неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Посему жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

B. По существу данного пункта жалобы

97. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд утверждало, что срок содержания заявителя под стражей отвечал требованию пункта 3 статьи 5 Конвенции о проведении судебного разбирательства в течение «разумного срока» после фактического задержания, поскольку предварительное следствие по уголовному делу было завершено в пределах двух месяцев.
98. Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд подчеркивал, что для установления, была ли разумной продолжительность содержания его под стражей, следует принимать во внимание весь период времени, прошедший с момента его фактического задержания 11 октября 2000 г. и до вынесения обвинительного приговора в его отношении 18 апреля 2002 г. Суд первой инстанции, утверждал заявитель, не проявил тщания при производстве по уголовному делу. Судебные заседания регулярно откладывались ввиду занятости судьи в другом деле или ввиду неявки в судебные заседания сотрудников милиции и свидетелей обвинения. В любом случае, основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу были недостаточны, поскольку при разрешении вопроса о необходимости применить меру пресечения суд исходил исключительно из тяжести предъявленного заявителю обвинения.
99. Европейский Суд вновь подтверждает, что при определении продолжительности содержания под стражей в период рассмотрения

¹ *Ratione materiae (лат.)* — по причинам существа; ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения. По общему правилу Европейский Суд принимает к рассмотрению жалобы относительно предполагаемых нарушений лишь тех прав человека, которые закреплены в Конвенции (*примечание редакции*).

уголовного дела в суде — в соответствии с требованиями пункта 3 статьи 5 Конвенции, течение срока, который надлежит принимать во внимание, начинается в тот день, когда обвиняемый взят под стражу, а заканчивается в тот день, когда был разрешен вопрос о виновности или невиновности подсудимого, даже если дело было рассмотрено только судом первой инстанции. Ввиду важной связи между пунктом 3 статьи 5 Конвенции и подпунктом «с» пункта 1 этой статьи, лицо, осужденное судом первой инстанции, не может считаться заключенным под стражу «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения», но находится в положении, предусмотренном подпунктом «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции, который разрешает лишение человека свободы «после осуждения его компетентным судом» (см. постановление Европейского Суда от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против России», жалоба № 45100/98, § 91 и 93, с дополнительными ссылками). Соответственно, содержание заявителя под стражей в период с 5 июля 2001 г. (даты вынесения обвинительного приговора по уголовному делу в его отношении) по 17 октября 2001 г. (даты отмены обвинительного приговора и передачи дела в суд первой инстанции для нового рассмотрения в ином составе суда) не может быть принято во внимание для целей применения положений пункта 3 статьи 5 Конвенции. А потому Европейский Суд приходит к выводу, что срок содержания заявителя под стражей, который надлежит принимать во внимание, состоит из двух отрезков времени — первого, который длился с 11 октября 2000 г. по 5 июля 2001 г., и второго, который длился с 17 октября 2001 г. по 18 апреля 2002 г., и в общей сложности насчитывает четырнадцать месяцев.

100. Европейский Суд отмечает, что единственным основанием для продления срока содержания заявителя под стражей было то обстоятельство, что ему было предъявлено обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния, квалифицируемого как особо тяжкое преступление, одна только опасность которого была сочтена достаточным основанием для содержания его под стражей в качестве меры пресечения (см., в частности, пункты 21 и 23 настоящего постановления).

101. Что касается того обстоятельства, что национальные власти при избрании меры пресечения в отношении заявителя исходили из тяжести предъявленного ему обвинения как единственного и решающего фактора, учитывавшегося при избрании меры пресечения, Европейский Суд неоднократно постановлял, что, хотя строгость наказания, предусмотренного за совершённое преступление, является важным элементом при оценке возможности того, что обвиняемый скроется от правосудия или повторно совершит преступление, необходимость продления срока лишения свободы не может быть оценена сугубо с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть совершённого преступления. Не может продление срока содержания обвиняемого под стражей быть применено и по той причине, что по делу ожидается назначение наказания в виде лишения свободы (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Панченко против России», § 102; постановление Европейского Суда от 26 июля 2001 г. по делу «Илийков против Болгарии» [*Ilijkov v. Bulgaria*], жалоба № 33977/96, § 81; постановление Европейского Суда от 26 июня 1991 г. по делу «Летелье против Франции» [*Letellier v. France*], серия «А», жалоба № 207, § 51). Это в особенности верно в российской правовой системе, где правовая квалификация обстоятельств дела — и тем самым срок наказания, которое может быть назначено заявителю, — определяется государственным обвинением без судебной проверки вопроса о том, обосновывают ли собранные по делу доказательства разумное предположение, что заявитель совершил предполагаемое преступление (см. постановление Европейского Суда от 8 ноября 2005 г. по делу «Худоёров против России», жалоба № 6847/02, § 180).

102. В настоящем деле российские суды отказались принять во внимание какие-либо конкретные обстоятельства, приведённые

заявителем и его адвокатами в ходатайствах об изменении меры пресечения, избранной в отношении заявителя, на другую, не связанную с лишением свободы. Суды исходили из того, что тяжесть предъявленного заявителю обвинения имела такое перевешивающее значение, что заявитель не мог быть освобожден из-под стражи ввиду каких-либо других обстоятельств (см., например, определение Московского городского суда, цитируемое в пункте 23 настоящего постановления). Европейский Суд вновь подтверждает, что любая система, предусматривающая обязательность избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу до и во время суда, как таковая вступает в противоречие с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, при том, что на национальных властях лежит обязанность установить и продемонстрировать наличие конкретных обстоятельств, перевешивающих правило об уважении свободы личности (см. постановление Европейского Суда от 7 апреля 2005 г. по делу «Рохлина против России», жалоба № 54071/00, § 67, с дополнительными ссылками). В настоящем деле национальные власти не указали никаких конкретных обстоятельств в обоснование постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

103. Европейский Суд приходит к выводу, что, не упомянув конкретные важные обстоятельства и исходя сугубо из тяжести предъявленного заявителю обвинения, власти продлили содержание заявителя под стражей на основаниях, которые не могут быть сочтены «достаточными». Власти тем самым не обосновали продление срока содержания заявителя под стражей на период рассмотрения дела судом (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Рохлина против России», § 69).

Поэтому имел место факт нарушения требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

V. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался в Европейский Суд — в контексте положений пункта 4 статьи 5 Конвенции — на то, что он был лишен возможности добиться судебной проверки законности своего содержания под стражей в период между 13 декабря 2000 г. и 30 января 2001 г. из-за того, что в отношении этого периода не было издано никакого постановления о содержании его под стражей и из-за того, что он не присутствовал в судебном заседании 11 января 2001 г. Пункт 4 статьи 5 Конвенции предусматривает следующее:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. По вопросу о приемлемости данного пункта жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу

105. Европейский Суд отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба заявителя в данном ее пункте не является по каким-либо иным основаниям неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Посему жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

B. По существу данного пункта жалобы

106. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд указывало, что заявитель и его адвокаты имели возмож-

ность обжаловать в вышестоящий суд постановление Никулинского районного суда г. Москвы о продлении срока содержания заявителя под стражей. Суд кассационной инстанции оставил их жалобу без удовлетворения.

107. Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд подчеркнул, что в период времени с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г. не существовало никакого постановления об избрании в его отношении меры пресечения в виде содержания под стражей, которое он мог бы обжаловать. Впервые он имел возможность заявить ходатайство об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, в судебном заседании 30 января 2001 г., что он и сделал.

108. Европейский Суд вновь подтверждает, что в силу требований пункта 4 статьи 5 Конвенции, каждое арестованное или заключенное под стражу лицо имеет право на проверку судом процессуальных и материально-правовых условий лишения его свободы, являющихся существенно важными для обеспечения «законности» в значении положений пункта 1 статьи 5 Конвенции. Это означает, что компетентный суд должен изучить не только вопрос о соблюдении процессуальных требований, закрепленных в национальном законодательстве, но также и разумность оснований задержания и правомерность цели, которая преследуется задержанием и последующим заключением лица под стражу (см. постановление Европейского Суда от 29 ноября 1988 г. по делу *[Brogan u Others v. the United Kingdom]*, серия «А», жалоба № 145-В, § 65; постановление Европейского Суда от 10 октября 2000 г. по делу «Грауслис против Литвы» *[Grauslys v. Lithuania]*, жалоба № 36743/97, § 51—55; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии», § 94).

109. Как Европейский Суд установил выше, на содержание заявителя под стражей в период времени с 13 декабря 2000 г. по 11 января 2001 г. не распространялось никакого постановления (см. выше, пункт 88 и следующие за ним пункты настоящего постановления). Заявитель поэтому не имел возможности возбудить производство по судебной проверке законности и обоснованности содержания его под стражей в этот период, потому что российское законодательство допускает обжалование только официально вынесенных постановлений о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения (см. выше, пункт 53 настоящего постановления).

110. Что касается постановления Никулинского районного суда г. Москвы от 11 января 2001 г., то Европейский Суд вновь подтверждает, что производство в суде по вопросам применения заключения под стражу в качестве меры пресечения должны иметь состязательный характер и всегда гарантировать равенство процессуальных возможностей сторон по делу (см. постановление Европейского Суда от 11 июля 2000 г. по делу «Тжаска против Польши» *[Trzaska v. Poland]*, жалоба № 25792/94, § 74). Возможность задержанного быть выслушанным судом лично или посредством какой-либо формы юридического представительства значится в числе фундаментальных гарантий процесса, применяемым в вопросах лишения человека свободы (см. постановление Европейского Суда от 13 июля 1995 г. по делу «Кампанис против Греции» *[Kampanis v. Greece]*, серия «А», № 318-В, § 47).

111. Государством-ответчиком не оспаривается то обстоятельство, что постановление Никулинского районного суда г. Москвы от 11 января 2001 г. было вынесено в отсутствие заявителя и его адвокатов, которым было отказано в возможности изложить свои доводы суду. Европейский Суд далее приходит к выводу, что форма данного постановления — шаблонный формуляр, в котором выводы Никулинского районного суда г. Москвы были уже отпечатаны типографским способом, а только данные о заявителе и о деле были внесены в соответствующие графы от руки (см. выше, пункт 19 настоящего постановления) — указывает на то, что, вынося в отсутствие заявителя и его адвокатов постановление, изготовленное по шаблону, Никулинский

районный суд г. Москвы не выполнил функцию судебной проверки законности и обоснованности избранной меры пресечения в виде заключения под стражу.

112. Из вышеуказанного следует, что в период времени с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г., когда ходатайство заявителя об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, было впервые рассмотрено судом первой инстанции, заявитель был лишен возможности возбудить производство по проверке законности заключения его под стражу.

Поэтому имел место факт нарушения требований пункта 4 статьи 5 Конвенции.

VI. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ НАРУШЕНИЯХ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

113. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что производство в суде по уголовному делу в его отношении велось в нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом <...>

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

<...>

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него <...>».

114. Заявитель в своих представлениях в Европейский Суд утверждал, что он был лишен возможности воспользоваться правом на справедливое судебное разбирательство в разумный срок. Он жаловался на то, что как районный суд, так и городской суд презюмировали его виновность в совершении преступления ввиду того обстоятельства, что его ходатайства об изменении меры пресечения, избранной в его отношении, на другую, не связанную с лишением свободы, были оставлены без удовлетворения со ссылками на тяжесть предъявленного заявителю обвинения и, что у судьи суда первой инстанции была личная предубежденность против него. Его обвиняемого и свидетеля обвинения, г-на Е., не допрашивали во время второго судебного разбирательства, потому что г-н Е. скрылся от правосудия, и суд первой инстанции огласил письменные показания сотрудников милиции. Наконец, заявитель жаловался на предположительно несправедливые решения по вопросу о допустимости доказательств и неправильную оценку доказательств, а также на неточность записей в протоколе судебного заседания.

115. Европейский Суд отмечает, что производство по уголовному делу в отношении заявителя продолжалось со дня его фактического задержания 11 октября 2000 г. и до момента оставления обвинительного приговора по делу в его отношении без изменения 9 сентября 2002 г., то есть срок производства по уголовному делу составил один год и десять месяцев. Этот срок не настолько продолжителен, чтобы считаться не соответствующим требованию о «разумном сроке», содержащемуся в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

116. Европейский Суд вновь подтверждает, что в соответствии с принципом презумпции невиновности суду запрещается заранее высказывать мнение, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, является виновным, пока виновность этого лица не будет доказана в установленном законом порядке (см. постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 г. по делу

«Ален де Рибемон против Франции» [*Allet de Ribemont v. France*], серия «А», № 308, § 41). Хотя тяжесть предъявленного заявителю обвинения, которой российские суды обосновывали продление срока содержания заявителя под стражей, не была «достаточным» основанием для этого продления для целей применения положений пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. выше, пункт 101 настоящего постановления), формулировки соответствующих судебных актов не подтверждают утверждение заявителя о том, что суды высказывали мнение о его виновности до окончания рассмотрения уголовного дела. Не представил заявитель и каких-либо материалов, бросающих тень сомнения в беспристрастности судьи суда первой инстанции.

- 117.** Европейский Суд далее отмечает, что заявитель, юридическая помощь которому оказывалась адвокатом, имел возможность непосредственно задавать вопросы г-ну Е. как во время проведения очной ставки у следователя, так и во время первого судебного разбирательства. Тем самым он мог составить свое мнение относительно надежности данного свидетеля и поделиться этим мнением с судьей (см. постановление Европейского Суда от 19 февраля 1991 г. по делу «Исгро против Италии» [*Isgrò v. Italy*], серия «А», № 194-А, § 35). Действительно, г-н Е. не явился в суд во время второго судебного разбирательства и допросить его не представлялось возможным. Хотя суд первой инстанции в новом составе судей не имел возможности заслушать г-на Е. лично, при рассмотрении дела суд воспользовался протоколами очной ставки и судебных заседаний, точность записей в которых не оспаривалась стороной защиты заявителя. Кроме того, как указал суд первой инстанции, показания г-на Е. подтверждались показаниями других свидетелей, равно как и вещественными доказательствами совершения заявителем преступлений, связанных с наркотиками (см. выше, пункт 37 настоящего постановления).
- 118.** Наконец, Европейский Суд рассмотрел остальные пункты жалобы заявителя, в которых он ссылается на нарушения требований статьи 6 Конвенции, как он эти пункты жалобы изложил Суду. Однако с учетом всех имеющихся у Суда материалов Суд приходит к выводу, что в этих пунктах жалобы не усматривается никакого нарушения статьи 6 Конвенции.
- 119.** Принимая во внимание изложенные выше соображения, Европейский Суд считает, что жалоба в данной ее части должна быть отклонена — в силу пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции — как явно необоснованная.

VII. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

- 120.** Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. По вопросу о вреде, причиненном заявителю

- 121.** Заявитель потребовал выплатить ему сумму в размере 10 тысяч евро в качестве возмещения причиненного ему морального вреда, представляющего собой компенсацию за незаконное и чрезмерно длительное содержание под стражей в отвратительных условиях.
- 122.** Государство-ответчик настаивало на том, что сумма требований заявителя является чрезмерной, поскольку переполненность следственного изолятора заключенными была вызвана объективными причинами.
- 123.** Европейский Суд вновь подтверждает, что он установил по настоящему делу целый ряд серьезных нарушений гарантий,

провозглашенных в Конвенции. Заявителя содержали под стражей без достаточных к тому оснований в чрезмерно переполненном заключенными следственным изолятором. В отношении части его срока содержания под стражей не было вынесено надлежащего постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, и он не имел возможности возбудить производство о судебной проверке законности и обоснованности содержания его под стражей. Эти нарушения должны были причинить ему значительные душевные страдания. Производя свою оценку причиненного заявителю вреда, исходя из принципа справедливости, Суд присуждает выплатить заявителю полную сумму, которую тот требует в качестве возмещения морального вреда, то есть 10 тысяч евро, плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму.

B. По вопросу о возмещении судебных расходов и издержек

- 124.** Заявитель также потребовал выплатить ему сумму в размере 15 500 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, связанных с производством по делу в российских судах и в Европейском Суде. Его представители заявляли две жалобы по существу дела и шесть жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, участвовали в двадцати трех судебных заседаниях в Никулинском районном суде г. Москвы и более тридцати раз посещали заявителя в месте заключения. Они также составили жалобу в Европейский Суд и замечания на меморандум государства-ответчика. Заявитель представил в Суд два договора — в виде шаблонного формуляра — о представительстве его интересов в Суде с указанием общей суммы 350 тысяч рублей и квитанции об оплате юридических услуг на общую сумму 13 100 рублей.
- 125.** Государство-ответчик указывало в своих представлениях в Европейский Суд, что в задачи Суда не входит давать оценку обвинительного приговора, вынесенного заявителю, по существу. По этой причине, указало государство-ответчик, судебные расходы и издержки, связанные с производством по делу в российских судах, не должны возмещаться. В любом случае, только незначительная часть таких расходов была подтверждена документами. Кроме того, сумма 10 тысяч евро за представительство интересов заявителя при производстве по делу в Суде является чрезмерной, и не было представлено никаких подтверждающих соответствующие расходы документов.
- 126.** Европейский Суд согласен с тем, что при производстве по делу в российских судах расходы на юридические услуги были вызваны необходимостью предотвратить нарушение права заявителя на судебное разбирательство в разумный срок или обеспечить его освобождение из-под стражи на период рассмотрения дела в суде. В той мере, какой данные расходы подтверждены надлежащими платежными документами, Суд присуждает заявителю сумму размером 350 евро, плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму, и отклоняет остальные требования заявителя, что касается возмещения судебных расходов и издержек, связанных с производством по делу в российских судах.
- 127.** Что касается производства по делу в Страсбурге, то Европейский Суд отмечает: что заявителю была оказана финансовая помощь Судом в оплату услуг г-жи К. Москаленко по представительству интересов заявителя в Суде. Представляется, что другой адвокат заявителя, г-жа Е. Липцер, не проводила какую-либо самостоятельную работу по данному делу. Суд поэтому отклоняет требования заявителя в части, касающейся выплаты вознаграждения г-же Липцер (см. постановление Европейского Суда от 26 ноября 1991 г. по делу, *mutatis mutandis*¹, «Газеты “Обзервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства» [*Observer and Guardian*

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

v. the United Kingdom], серия «А», № 216, § 80). Кроме того, Суд отмечает, что договор на оказание юридических услуг, заключенный между заявителем и г-жой Москаленко, представляет собой шаблонный формуляр, в котором были указаны только имена сторон и сумма вознаграждения, тогда как все остальные разделы, которые должны содержать указания характера юридических услуг, дату их выполнения и другие условия, остались незаполненными. Представляется, что этот шаблонный формуляр не создал у заявителя никакого юридически обязательного к исполнению обязательства выплатить какое-либо вознаграждение г-же Москаленко. Эта часть требований заявителя также должна быть отклонена (см. постановление Европейского Суда от 24 февраля 1983 г. по делу, *mutatis mutandis*, «Даджен против Соединенного Королевства» (касательно статьи 50 Конвенции) [*Dudgeon v. the United Kingdom (Article 50)*], серия «А», № 59, § 22). Принимая во внимание изложенные выше соображения, Суд отклоняет требования заявителя о возмещении судебных расходов и издержек при производстве по делу в Страсбурге.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

128. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* приемлемой для рассмотрения по существу жалобу заявителя в тех ее пунктах, которые имеют отношение к вопросу о лишении заявителя свободы и условиях содержания его под стражей, а жалобу в остальных пунктах — неприемлемой для рассмотрения по существу;

2. *постановил*, что имел место факт нарушения требований статьи 3 Конвенции ввиду условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/3 г. Москвы;

3. *постановил*, что имел место факт нарушения требований подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду отсутствия правового обоснования для содержания заявителя под стражей в периоды времени с 11 по 12 октября 2000 г. и с 13 декабря 2000 г. по 30 января 2001 г.;

4. *постановил*, что имел место факт нарушения требований пункта 3 статьи 5 Конвенции;

5. *постановил*, что имел место факт нарушения требований пункта 4 статьи 5 Конвенции;

6. *постановил*,

(а) что государству-ответчику надлежит выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по обменному курсу валют на день произведения выплаты,

(i) 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 350 (триста пятьдесят) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек при производстве по делу в его отношении в российских судах;

(iii) любую сумму налогов, которые могут быть начислены на указанные суммы;

(б) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

7. *отклонил* остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 1 марта 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»